

Научная статья

УДК 141.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-64-70

ИСТОРИЗМ КАК ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПРИНЦИП В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Алексей Геннадиевич Корниенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, akornienko@yandex.ru,
ORCID 0009-0001-7555-6711

Аннотация. Поставлена цель обосновать статус историзма как действенного общенаучного принципа в сфере гуманитарного знания на примере современной социологии науки. Решая поставленную задачу, автор фокусирует внимание на дискуссии о природе материальных объектов, развернувшейся между Б. Латуром и Г. Харманом. В ходе рассмотрения позиций данных исследователей выясняется, что, несмотря на изначально различные философские установки, оба автора рассматривают свой предмет в историчистской перспективе, то есть как динамичный и подверженный изменениям во времени. При этом обозначенная перспектива вынуждает обоих авторов двигаться в решении своих программных задач по траекториям, уже намеченным классиками историзма. Так, Б. Латур воспроизводит наработки историчистской методологии, а Г. Харман — его специфическую онтологию. Опираясь на результаты проведенного исследования и мнения ряда отечественных и зарубежных исследователей, автор приходит к выводу о том, что, несмотря на разрушительную критику в постмодернизме, историзм до сих пор остаётся неким организующим принципом в пространстве гуманитарных наук, который не только задаёт контекст современных дискуссий, но и формирует перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: историзм, гуманитарные науки, методология историзма, онтология историзма, материальный объект, актор, материализм, имматериализм

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

Для цитирования: Корниенко А. Г. Историзм как общенаучный принцип в современной социологии науки // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 64–70. doi: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-64-70

Original article

HISTORICISM AS A GENERAL SCIENTIFIC PRINCIPLE IN A MODERN SOCIOLOGY OF SCIENCE

Aleksei G. Kornienko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, akornienko@yandex.ru, ORCID 0009-0001-7555-6711

Abstract. In the given article, the author tries to define historicism as an effective scientific principle in the field of humanities, namely in the modern sociology of science. Trying to solve this task, the author focuses his attention on the B. Latour and G. Harman's discussion on the essence of material objects. Analyzing their positions, the author states that despite initially different philosophical attitudes, both thinkers consider the subject of their research in a historicist way, that is, as dynamic and changeable in the course of the time. This way of thinking, in turn, forces them to solve their program tasks, using the instruments which were developed in the frame of classical historicist thought. So B. Latour chooses to use the historicist methodology and G. Harman, in turn, reproduces its specific ontology. Taking into consideration the results of the study and opinions of domestic and foreign researchers, the author concludes that despite the destructive criticism of postmodernism, historicism still remains a kind of organizing principle in humanities, which doesn't only set the context of modern discussions, but also forms prospects for further development.

Keywords: historicism, humanities, historicist methodology, historicist ontology, material object, actor, materialism, immaterialism

Funding. The article was prepared with the support of a grant from the Russian Science Foundation no. 21-18-00174 “Historicism as a paradigm of the humanities”.

For citation: Kornienko AG. Historicism as a general scientific principle in a modern sociology of science. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(4(474):64-70. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-64-70

Введение

В современном гуманитарном знании, пережившем радикальный пересмотр собственных оснований в постмодернизме и пытающемся осмыслить перспективы для своего дальнейшего развития в ситуации метамодерна, всё чаще наблюдается обращение к общенаучным принципам, казалось бы, уже отжившим и исчерпавшим себя. При этом подобное обращение зачастую остаётся неотрефлексированным исследователями вне зависимости от того, работают ли они в своей конкретной предметной области или пытаются выйти в более широкое междисциплинарное поле. Так, в полемике, развернувшейся в области современной социологии науки, мы можем вполне отчётливо различить контуры специфической историцистской методологии и онтологии, с помощью которых различные авторы решают свои программные задачи.

Как известно, суть этой полемики сводится к тому, что, пытаясь переосмыслить статус объекта в контексте гуманитарного знания вообще и социологии науки в частности, наиболее заметные исследователи в этой области приходят к разным и зачастую даже противоположным взглядам на саму природу материального. Так, ставя перед собой задачу переосмыслить классическую оппозицию «общество — природа» и тем самым преодолеть имплицитно содержащийся в ней субъект-объектный дуализм, Б. Латур предлагает мыслить опосредующие взаимоотношения людей материальные объекты как отношения или акторы, то есть как то, что существует, лишь действуя, а точнее, как оказывающее воздействие. В свою очередь, Г. Харман, ставя перед собой по сути схожую задачу, решительно отвергает «материализм» Латура и разрабатывает собственную онтологию «имматериализма», в котором объект оказывается уже не коррелятом отношений, но реальным сущим, обладающим собственным онтологическим весом. При этом примечательно, что, вступая в философскую дискуссию о природе материального, оба автора рассматривают предмет своего исследования — конкретный материальный объект — в плоскости

сугубо исторической и тем самым воспроизводят на свой лад различные сюжеты, разработанные в рамках классического историзма.

Попытка обозначить контуры рецепции данных сюжетов в современной социологии науки является задачей не только новой, поскольку попыток подобного рода ещё не предпринималось в отечественной исследовательской литературе, но и достаточно актуальной, так как позволяет вписать чрезвычайно влиятельные на сегодняшний день акторно-сетевую теорию Латура и объектно-ориентированную онтологию Хармана в широкий историко-философский контекст непрерывного развития европейской мысли. Поэтому представленное исследование ставит перед собой цель проанализировать вышеобозначенные концепции и выявить в них следы рецепции методологии и онтологии классического историзма и тем самым прояснить его статус как общенаучного принципа в современной социальной теории. Поставленная цель определила не только выбор материалов и общую историко-философскую ориентацию работы, но и ряд рабочих методов, таких как компаративистский метод, метод историко-философской реконструкции и историко-философского обобщения.

«Материализм» Б. Латура

Итак, предпринятый Б. Латуром «поворот к материальному» принято рассматривать прежде всего в контексте проведённой им критики традиционных познавательных подходов в социальной теории. Так, общество, с точки зрения Латура, считавшееся в классической социологии источником для объяснения всякого феномена, никогда не объяснялось само, а всякий материальный объект либо просто выносился за рамки исследования как недостаточно богатый человеческими смыслами, либо его материальное содержание полностью замещалось содержанием символическим [7. С. 150]. Такая описательная модель в целом соответствовала модернистской установке, предписывающей рассматривать не только общество, но и всю сферу человеческого как результат осмысленной деятельности

субъекта, которому противостоял инертный материальный мир объектов.

Однако в реалиях постиндустриального общества, в котором компьютерные технологии и повсеместная цифровизация всё больше опосредовали взаимоотношения людей и тем самым радикально трансформировали традиционные практики социальной коммуникации, подобные познавательные установки не могли более обеспечить адекватное описание реальности. Поэтому, осмысляя материалы междисциплинарных исследований в области науки и технологий (STS), Б. Латур предложил собственный проект «объектно-ориентированной социологии», в котором прилагательное «общественный» не означало более «субстанцию», или «сферу реальности, противоположную естественному», но понималось как «способ связывания вместе гетерогенных узлов» или «способ превращения сущностей одного типа в другой» [5. С. 30]. Другими словами, в концепции Латура общество не объясняет, но объясняется, поскольку оно не порождает науку и технологии, но трансформируется ими, а точнее, конструируется в процессе их исторического развития, присутствуя повсюду «как движение», связывающее между собой «не-социальные вещи» [7. С. 223]. При этом наука в понимании Латура включает в себя не только познавательную деятельность людей, но и всю совокупность материального обеспечения, принимающего непосредственное участие в функционировании науки как социального института. Так, в своей работе «Пастер: война и мир микробов» Латур наглядно демонстрирует, как материально-техническая база пастерианской лаборатории становится неотделимым элементом научного труда, опосредующего деятельность учёного и образующего с ним «гибрид», действия которого, собственно, и конструирует общество нового типа [6. С. 107].

Таким образом, вещь или объект оказывается онтологически «симметричным» субъекту и рассматривается Латуром как равноправный участник социального действия, как «часть института», включённая в процесс научного исследования наравне с деятельной активностью субъекта и неотделимая от неё [3. С. 87]. Тем самым, как отмечает Л. В. Шиповалова, Латур обеспечивает возможность анализировать науку «в действии», до всякого «разделения на субъект и объект, Природу и Общество» [9. С. 85], что в свою очередь формирует особую перспективу в представлении объекта, а именно не только как объекта-института или полноценного актора социального дей-

ствия, но и как разворачивающегося во времени «проекта», который постоянно изменяется и переходит из одной фазы в другую [3. С. 89]. Ведь если в концепции Латура бытие материального объекта приравнивается к его способности действовать, то необходимым образом встаёт вопрос о том, каким образом одному и тому же объекту удаётся оставаться тождественным самому себе во времени и не растворяться в различных актах социального воздействия. Другими словами, требуется прояснить, каким образом существующий ещё только на бумаге проект будущей лаборатории соотносится с реально действующей лабораторией, находящейся где-нибудь в Северной Африке и обеспечивающей потребности экспансии французского колониализма.

С точки зрения Латура, всякий объект не существует вне связи с проектом, поскольку в последнем имплицитно содержатся все его потенциальные отношения в свёрнутом виде. Однако по мере реализации проекта объект обретает собственную онтологическую значимость, обрастая собственной сетью отношений и воздействий. Если проект был реализован полностью, а не остался лишь потенциальной возможностью, объект становится уже не проектом, но частью института, исполняющей свои функции в соответствии с делегированными ей полномочиями. В последнем случае всякое действие объекта, включённого в разветвлённую сеть отношений и взаимодействий, понимается как уникальное «событие», которое в свою очередь может быть последовательно прослежено в связи с другими событиями и тем самым образовать «траекторию» разворачивающегося проекта. Другими словами, методологическая установка, требующая рассматривать всякий объект как актор коллективного действия, предполагает анализ объекта не только в его «синхронии», то есть как единичного события, произошедшего в определённом пространстве и времени, но и в его «диахронии», то есть как траекторию, прочерченную «по следам» различных событий. Так объект в концепции Б. Латура обретает собственную темпоральность и становится объектом историческим, то есть объектом, имеющим свою собственную историю [9. С. 80]. Объекты как акторы или «актанты», как отмечает М. А. Ерофеева, «изменяются, но их предшествующие состояния не пропадают безвозвратно, но оставляют следы», что в свою очередь «позволяет говорить о самотождественности объекта как траектории, хотя она и зависит от систем отношений, в которые вступает актант» [3. С. 93].

Таким образом, ставя перед собой задачу преодолеть традиционные описательные модели социологии, базирующиеся на классическом разделении «общество — природа», Латур не только делегирует объекту способность действия в пространстве социального, но и указывает на необходимость открытия его истории, поскольку именно в последней объект может быть раскрыт во всей полноте своих отношений. Такой методический ход Латура вполне вписывается в методическую программу классического историзма, где всякий социальный институт предлагалось рассматривать не как статичный, а в динамике его исторического развития (см. подр. [4]), с той лишь разницей, что у Латура эта установка экстраполируется за границы «человеческого» на мир материальных объектов [12. Р. 6]. В этом смысле мы вполне можем вслед за Дж.-М. Куукканеном обозначить разрабатываемый Латуром проект социологии науки как «историцистский», который противостоит подходу «эссенциалистскому» и характеризуется через изначальное метафизическое допущение, что всякий объект изменчив в принципе и все его «характеристики временны, а потому подлинная природа объекта может быть обнаружена только в его истории, то есть в траектории его модификаций» [12. Р. 5].

«Имматериализм» Г. Хармана

В свою очередь Г. Харман, обращаясь к предложенному Латуром проекту объектно-ориентированной социологии, критикует ряд его ключевых положений и, вступая в философскую по своей природе дискуссию о природе социальной реальности, предлагает диаметрально противоположный подход к рассмотрению природы объекта, на первый взгляд исключающий всякую историческую перспективу. С точки зрения Хармана, всякая реальность, в том числе и социальная, состоит из объектов, которые в свою очередь остаются в принципе непознаваемыми или «непредсказуемыми и непрозрачными» [8. С. 29]. Все те представления об объектах, которые встречаются в опыте, в том числе и в опыте социального взаимодействия, являются ложными или по крайней мере иллюзорными, поскольку всякое представление о реально существующем объекте является попыткой замещения объекта или, как выражается Харман, его «парафразой» [8. С. 17]. Парафразирование объекта может быть реализовано в трёх различных направлениях, а именно как «надрыв», «подрыв» или «двойной срыв» [8. С. 17]. Не вдаваясь в подробности проводимых

Харманом различий, отметим лишь, что Латур в предложенной им концепции реализует, по мнению Хармана, именно стратегию надрыва, когда требует рассматривать объект исключительно в контексте его отношений или «регистрируемых действий» [8. С. 17]. Суть этой стратегии сводится к тому, что всякий объект рассматривается исключительно как набор присущих ему качеств, или, как в случае с Латуром, — его действий, а наличие некоего субстанциального ядра полностью отрицается. Харман решительно возражает против подобного редукционизма.

Объекты, по мнению Хармана, остаются объектами даже тогда, когда они не действуют, поскольку всякий объект является чем-то большим, чем сумма его отношений, качеств или действий: «Вещи действуют, — пишет Харман, — потому что существуют, а не существуют, потому что действуют» [8. С. 14]. Утверждать обратное, с точки зрения Хармана, значит вставать на позицию крайнего материализма нового толка, в котором всякая вещь растворяется в потоке своих действий. При этом особую несостоятельность подобного материализма Харман находит в том, что само действие и соответственные изменения не только не проясняются в контексте данной концепции, но и не могут быть объяснены в принципе, поскольку, рассматривая объект исключительно как нечто актуальное и не имеющее «избытка реальности», подобный «реляционный актуализм» всякий раз выносит за скобки потенциальность объекта, за счёт которого собственно и возможно всякое действие [1. С. 66].

Так, в концепции Латура объект, понятый как траектория, то есть как цепь разворачивающихся событий в рамках одного проекта, оказывается, по мнению Хармана, лишённым своего материального субстрата как носителя изменений, но «не потому, что становление иллюзорно, а лишь потому, что изменчивый процесс не может протекать без того, чтобы что-то оставалось вне процесса» [8. С. 67]. При этом Харман убеждён, что сам Латур осознаёт уязвимость своей концепции и предлагает искать субстанциональность объектов в некоем особом измерении реальности, изолированном от всяких отношений, которое он обозначает как «плазму». Однако, по мнению Хармана, подобный подход является несостоятельным, поскольку описываемая Латуром плазма является по сути неким метафизическим, абсолютно бесформенным и деиндивидуализированным конструктом, и Харман предполагает, в противоположность Латуру, не искать

определение объекта извне, как элемента сети отношений или части некоего надындивидуального целого, но восстанавливать его в границах его собственной индивидуальности.

Подобная установка, с точки зрения Хармана, может быть реализована не в обращении к истории объекта как проекта, которая, по его словам, «аналогична сюжету романа», а в восстановлении в правах его онтологии, поскольку последняя всегда оказывается ближе к исследованию «главных героев романа, неважно — человеческих, институциональных или неодушевлённых» [8. С. 53]. При этом это вовсе не означает, что историческое измерение бытия объекта полностью нивелируется, речь, скорее, идёт о том, что, обращаясь к его истории, исследователь внимание сосредоточивает не на действиях объекта, а на нём самом или, как выражается Харман, на его «биографии» [11. Р. 276]. Подобно тому, как Латур обращается к истории проекта пастерианской лаборатории, Харман обращается к истории Голландской Ост-Индской компании, чтобы на примере «конкретного объекта» наглядно подтвердить свои теоретические соображения. В ходе этого рассмотрения Харман формулирует ряд ключевых положений, согласно которым всякий объект существует до и после того, как он начинает действовать, и, вступая на различных этапах своего существования в «симбиозы» с другими объектами, он всякий раз остаётся самим собой, то есть автономным объектом, обладающим собственной реальностью и индивидуальностью.

При этом, несмотря на то, что история в данном случае понимается скорее как вспомогательное средство в построении онтологии объекта, а собственный метод Харман сравнивает скорее с археологией, чем с историей, предлагая «остудить» последнюю до состояния биографии [11. Р. 276], он тем не менее воспроизводит один из ключевых подходов к рассмотрению объекта, который был предложен именно в рамках классического историзма. Так, Ф. Р. Анкерсмит указывает на то, что ещё в начале XIX столетия классики немецкого историзма пытались решить схожую онтологическую проблему: постулируя необходимость рассматривать всякий объект как исторический, то есть изменяющийся во времени, они были вынуждены ответить на вопрос о том, что, собственно, является субстратом этих изменений [10. Р. 10]. В попытке ответа на этот вопрос Л. фон Ранке и А. фон Гумбольдтом был предложен особый онтологический конструкт «историческая идея», представлявший собой тот са-

мый носитель изменений, благодаря которому историческая вещь (нация, эпоха, государство) сохраняла свою индивидуальность и автономность. При этом сама идея переносилась в сферу трансцендентного и объявлялась непознаваемой, поэтому судить о её содержании предлагалось исходя из действия или трансформаций конкретного объекта как её феноменального проявления [Ibid.]. Разумеется, проект объектно-ориентированной онтологии Хармана ставит перед собой совершенно другие задачи и разворачивается в совершенно другом контексте, однако нельзя не отметить, что предложенная им концепция объекта как обладающего историей, но при этом автономного и реального, чьё подлинное бытие скрыто в области непознаваемого, в целом повторяет контур решения, предложенного классиками немецкого историзма.

Заключение

Рассмотрев предложенные Латуром и Харманом концепции объекта, мы можем отметить, что и условный «материалистический историзм» первого, и «имматериалистический эссенциализм» второго в равной мере реализуют различные подходы, уже очерченные в рамках классического историзма. Так методологическое требование рассматривать всякий объект как проект, имеющий свою историю, выдвинутое Латуром, коррелирует с идеей о необходимости рассматривать всякое явление не как статичное, а в динамике его исторического развития. В свою очередь, выстраиваемая Харманом онтология трансвременного объекта (*time-transgressive thing*) во многом повторяет решения, предложенные в рамках специфической онтологии историзма. В данном отношении примечательно наблюдение Ежи Шацкого, который, пытаясь определить статус историзма в общественных науках, приходит к выводу, что под историзмом в социальной теории, в частности и гуманитарном знании вообще, как правило, понимаются два различных представления об объекте познания, а именно как о «структурированном историческом процессе» в одном случае и как о «специфическом историческом юните» — в другом [13. Р. 40].

Таким образом, проведённое рассмотрение не только вписывается в рамки описанного Шацким определения историзма, но и подтверждает на материале полемики, развернувшейся в социологии науки, тезис А. В. Дьякова, согласно которому историзм остаётся действенным общенаучным принципом в пространстве современного

гуманитарного знания, где дефинирование предмета познания переносится в сферу наук исторических, а способ его проблематизации — в сферу наук философских [2. С. 33].

Список источников

1. Вяткин Д. И. «Плазма в себе»: между онтологией и эпистемологией // *Логос*. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 57–82.
2. Дьяков А. В. Историзм как методология: гуманитарные науки и критика // *Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XIV Международной научно-теоретической конференции*. Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2022 г. СПб. : Санкт-Петербургский политехн. ун-т Петра Великого, 2022. С. 33–35.
3. Ерофеева М. А. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // *Логос*. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 83–112.
4. Корниенко А. Г. Рецепция онтологии историзма в постантропологии // *Языки и смыслы : материалы XX Международной научной конференции молодых учёных в области гуманитарных и социальных наук*; Новосибирск, 25–27 октября 2022 г. Новосибирск : Новосибирский нац. исслед. гос. ун-т, 2022. С. 85–88.
5. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «Исследований науки» в общественные науки / пер. О. Е. Столяровой // *Вестник МГУ. Сер. 7: Философия*. 2003. № 3. С. 20–39.
6. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с. (Прагматический поворот; вып. 7).
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. (Социальная теория).
8. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарева. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 150 с. (Библиотека журнала «Логос»).
9. Шиповалова Л. В. Бруно Латур и историчность научных объектов // *Мысль*. 2013. Вып. 15. С. 78–97.
10. Ankersmit F. R. *Meaning, truth, and reference in historical representation*. Ithaca: Cornell University Press, 2012. 280 p.
11. Harman G. The Coldness of Forgetting: OOO in Philosophy, Archaeology, and History // *Open Philosophy*. 2019. Vol. 2, № 1. Pp. 270–279.
12. Kuukkanen J.-M. Historicism and the failure of HPS // *Studies in History and Philosophy of Science*. Part A. 2016. Vol. 55. Pp. 3–11.
13. Szacki J. On the So-Called Historicism in the Social Sciences // *The Polish Sociological Bulletin*. 1970. № 22. Pp. 36–46.

References

1. Vyatkin DI. Plasma in Itself: Between Ontology and Epistemology. *Logos*. 2017;27(3):57-82. (In Russ.).
2. Dyakov AV. Historicism as Methodology: Humanities and Criticism. In: Proceedings of the XIV International Scientific-Theoretical Conference “Communicative Strategies of the Information Society”; 2022 Nov 17–18; St. Petersburg. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 2022. Pp. 33–35. (In Russ.).
3. Erofeeva MA. Actor-Network Theory: Object-Oriented Sociology without Objects? *Logos*. 2017;27(3):83-112. (In Russ.).
4. Kornienko AG. Reception of the Ontology of Historicism in Post-Anthropology. In: Proceedings of the XX International Scientific Conference of Young Scientists in the Field of Humanities and Social Sciences “Languages and Meanings”; 2022 Oct 25–27; Novosibirsk. Novosibirsk, Novosibirsk State University; 2022. Pp. 85–88. (In Russ.).
5. Latour B. When Things Strike Back: Possible Contribution of “Science Studies” to Social Sciences. *MSU Vestnik. Ser. 7: Filosofia*. 2003;(3):20-39. (In Russ.).
6. Latour B. *Les Microbes. Guerre et Paix suivi de Irreductions*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg; 2015. 316 p. (Pragmatic Turn; vol. 7). (In Russ.).

7. Latour B. Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory. Moscow, Higher School of Economics Publishing House; 2014. 384 p. (Social Theory). (In Russ.).
8. Harman G. Immaterialism. Objects and Social Theory. Moscow, Gaidar Institute Publishing House; 2018. 150 p. (Library of the Journal "Logos"). (In Russ.).
9. Shipovalova LV. Bruno Latour and the Historicity of Scientific Objects. *Мysl.* 2013;15:78-97. (In Russ.).
10. Ankersmit FR. Meaning, truth, and reference in historical representation. Ithaca, Cornell University Press; 2012. 280 p.
11. Harman G. The Coldness of Forgetting: OOO in Philosophy, Archaeology, and History. *Open Philosophy.* 2019;2(1):270-279.
12. Kuukkanen JM. Historicism and the failure of HPS. *Studies in History and Philosophy of Science.* Part A. 2016;55:3-11.
13. Szacki J. On the So-Called Historicism in the Social Sciences. *The Polish Sociological Bulletin.* 1970; (22):36-46.

Информация об авторе

А. Г. Корниенко — кандидат философских наук, лаборант-исследователь кафедры истории философии Института философии.

Information about the author

A. G. Kornienko — Candidate of Philosophical Sciences, Research assistant, the Department of the History of Philosophy, the Institute of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 03.06.2023; одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 12.06.2023.

The article was submitted 03.06.2023; approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 12.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.